

пространстве к такому не готовы [6]. Как уже говорилось выше, профсоюзные топ-менеджеры свертывают инициативу тех профсоюзов, которые стремятся разумными методами мирно решать проблемы работников, улучшать их образ жизни

События последнего времени очевидным образом изменили общественно-политический климат в стране. Характер проведения и официальные итоги парламентских выборов привели к формированию массового недовольства, выходящего за рамки собственно митингов и не ограничивающегося численностью пришедших на них. Таким образом, именно снизу может начаться волна демократического оживления населения страны и, в том числе, оживления «производственной демократии». Профсоюзы, желающие быть эффективными представителями интересов коллективов работников, не могут оставаться в стороне от происходящих изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) с.37-39//М. Новый хронограф, 2011. – 672 с.
2. Сперанский В. см: <http://www.spravedlivo-online.ru/diskus/prof/speran.php>.
3. Кязимов К.Г. Роль профсоюзов в системе социального партнерства. http://fictionbook.ru/author/karl_gasnovich_kyazimov/socialnoe_partnerstvo_prakticheskoe_poso/re.
4. Козина И. <http://www.rost-prof.ru/union/clauses/concern/postsovet.htm>.
5. Петрова Л.Е <http://www.np-psh.ru/petrova-2.php>.
6. П. Друкер – основатель теории предпринимательского управления См.: Сперанский В. : <http://www.spravedlivo-online.ru/diskus/prof/speran.php>.

Е. Ю. Колесникова¹

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО МИССИЯ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Интенсивные и необратимые изменения, перестройка самих оснований социальной реальности имеют своим следствием пересмотр миссии, общественной роли и функций традиционных институтов, к которым относятся и университеты. В начале XXI в. университеты не просто претерпевают «функ-

¹ **Колесникова Елена Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

циональный сбой», а, скорее, не успевают (прежде всего, в силу своей консервативной природы) адаптироваться к тем переменам и скоростям, которые демонстрирует глобализирующийся мир. Следовательно, снова (спустя более двухсот лет) встает фундаментальный вопрос о миссии и ответственности современного университета.

На протяжении своей длительной истории университет не просто подвергался сущностным трансформациям, но и неоднократно кардинальным образом пересматривал свою миссию и общественные задачи.

На историческую сцену университет выходит в XI веке, и первоначально его идея была связана с христианской идеей спасения. На первом этапе существования *Alma Mater* не было и речи о необходимости организации института подготовки «кадров специалистов» (социальная и экономическая нагрузка появились позже, когда государство усмотрело в нем для себя пользу). В первые десятилетия основу существования университета составляла чистая тяга к знаниям и «поиску истины»[1].

Последовавшие далее перемены, связанные с географическими открытиями, изобретением Гуттенберга, осознанием факта множественности религий и культур, на некоторое время поместили в центр нового университета гуманитарное знание. Затем грянула промышленная революция, доминирующей, приоритетной становится идея прогресса, культ естественных и технических наук. В этот период расцвета модерна во главе угла становится идея «расколдовывания мира», рационализация, культ всеильного разума и позитивизма как методологии всех наук, не только естественных, но и гуманитарных. Реализм и прагматизм становятся идеалом начала XIX века. Возникла угроза технократического элитаризма, остро нужна была реформа для сохранения университета как центра культуры и гуманитарного знания. В 1809 году такие шаги были предприняты – Вильгельму фон Гумбольдту было поручено проведение образовательной реформы и создание нового университета в Берлине, столице Прусской монархии. В ноябре 1810 года Берлинский университет был открыт.

Гумбольдт создал модель сущностно нового университета, что стало началом целой эпохи в развитии мирового университетского образования. Эта концепция позже стала именоваться «классической идеей университета». В споре за образовательное пространство Европы победила реформаторская модель германского университета, поскольку она способствовала блестящим и беспрецедентным на мировом уровне успехам немецкой университетской науки в XIX в. вплоть до конца 30-х гг. XX в. Большинство стран мира, и в первую очередь Россия, приняли эту модель для развития своих высших школ.

Основу новой модели университета составляли три основных принципа:

1. Отрицание примитивно утилитарного взгляда на образование, когда знание ценят не ради него самого, а только из-за его практической пользы;
2. Приоритет фундаментального, теоретического знания;

3. Важность гуманитарного образования, без которого не может быть образованной личности [2, с. 304].

Гумбольдт опасался, что без гуманитарного развития личности научные знания вырождаются в презирающий все «материализм» и «безыдейный элитаризм»; он предвидел и опасался технократизма как типа мышления и действия.

Классическая идея университета Гумбольдта (основанная на вышеозначенных принципах) предусматривала следующие требования к практике его организации и управления:

- государственная поддержка университета при сохранении статуса носительной автономии;
- академическая свобода в проведении исследований и обучении;
- обучение посредством исследования и вовлечение в исследовательский процесс студентов;
- активность в общественной жизни (поскольку университет ответствен за возрождение целостности государства, формирование гражданской позиции, этическое обоснование достоинства знания и учености);
- возрождение ценностной ориентации античной образовательной культуры (связывавшей образование с воспитанием) [2, с. 304-305].

Декларируемая установка на свободный поиск истины подкреплялась высокой концентрацией в Берлинском университете профессоров с мировым именем и высоким авторитетом. Создавалась благородная, плодотворная, свободная среда, со своим специфическим этосом, традициями и культурой.

Классическая концепция университета, как сочетание исследования и обучения с воспитанием гражданственности, является первой целенаправленной попыткой обретения университетом истинной сущности.

Если обобщить взгляды выдающихся мыслителей Европы XIX–XX вв. на идею и миссию университета¹, можно выделить следующие основные положения:

- основная идея классического университета состоит в том, что университетское знание универсально и неутилитарно;
- к ценностям классического университета относятся порождение культуры, мировых и национальных духовных ценностей, истина, автономия и сократическая коммуникация между участниками образовательного процесса;
- миссия классического университета – социализация, целью которой является формирование интеллектуала или гражданина;
- в центре структуры классического университета стоит философский факультет как обеспечивающий интеграцию всех остальных факультетов и задающий основу универсализма передаваемого знания.

¹ Таких, например, как Дж.Ньюмен, И.Г.Фихте, В.Гумбольдт, К.Ясперс, Х. Ортега и Гассет.

Современный университет, с одной стороны, снова возвращается в тот контекст, которому противостояла гумбольдтовская модель – в формат рационального целеполагания и все возрастающей прагматики, а с другой – социокультурная среда современного университета коренным образом отличается от пространства существования университета времен промышленной революции. Университет, согласно Жан-Франсуа Лиотару [3, с. 13], на настоящий момент существует в пространстве постмодерна, которое характеризуется такими ключевыми чертами как социальная фрагментация, анархия культурных форм, разрушение автономии субъекта, мозаичность культуры.

«Университет умер» [4, с. 46-57] – это радикальное высказывание английского ученого, профессора Института образования Лондонского университета Рональда Барнетта достаточно точно передает пессимистичное настроение многих теоретиков и практиков современного высшего образования, вызванное глубоким кризисом последнего. Говоря о смерти университета, Барнетт прежде всего имел в виду несостоятельность его институциональной системы, базирующейся на идее классического университета Европы, в условиях перехода от индустриализма к информационной эпохе. Формально сама форма института, когда-то призванного передавать универсальное знание и методологию достижения истины, пока сохраняется.

По мнению Р. Барнетта (и к нему присоединяются Ж.-Ф. Лиотар, У. Бек, М. Поланьи, З. Бауман), миссия современного университета – это ответ на необходимость выживать в условиях все возрастающей прагматики, распространения на все сферы жизни человека правил рынка, стремительной социальной дифференциации и фрагментации общества.

Особого внимания заслуживает интерпретация модели современного университета, предложенная канадским исследователем Биллом Риддингом в своей книге «Университет в руинах» [5] и представляющая собой блестящий образец глубокого философского осмысления истории университета в западном мире и его роли в современную эпоху. По Риддингу, идея университета прошла большой исторический путь: от идеи разума (у Канта) через идею культуры (у немецких идеалистов) и до нынешней идеи качества. И сегодня университет оказался в руинах, поскольку *идея качества не может служить фундаментом его существования*. И это положение дел представляется Риддингу как кризис, имеющий достаточно фундаментальный характер – это кризис *оснований университетской идеи*. Он описывает современный университет как «постисторический», показывая, тем самым, что он пережил свое историческое оправдание и сегодня не исполняет общественной миссии, превратившись в институт, формируемый не национальным государством, а корпоративным капитализмом. «Университет... больше не участвует в историческом проекте человечества, который нам достался в наследство от Просвещения, – историческом проекте культурь» [5, с. 16]. Согласно Риддингу, «вместо национальной культуры университеты всего мира обслуживают новую корпоративную идеологию «высокого качества»,

у которой нет внешнего референта. Обращение к высокому качеству означает, что больше нет никакой идеи университета или, скорее, что такая идея *утратила все свое содержание* (высокое качество обозначает не что иное, как момент саморефлексии технологии). Лидер современного «университета качества» – это бюрократ-чиновник, должностное лицо и «добытчик денег», не выражающий публично никаких мнений и не выносящий никаких суждений. Тогда как в классическом университете Гумбольдта, основанном на идее культуры, ректор воплощал пандисциплинарный идеал общекультурной ориентированности, становясь представителем всего Университета. *Primus inter pares*¹, такой ректор символизировал культуру как *«живительное начало Университета»* [5, с. 91]. Как заключает Риддингс, на смену гумбольдтовской идее культуры пришло технобюрократическое понятие «качества». «Университет качества» – это симулякр («подделка») идеи Университета.

На тех же точно основаниях происходит реформирование российских университетов (связанное с глубокими изменениями в философии образования, пересмотром принципов функционирования образовательной системы, масштабными изменениями в содержании, технологии и организации самой образовательной деятельности, изменениями в образовательной политике), которое подчинено, как и модернизация образовательных систем многих европейских стран, императивам Болонской декларации.

Сейчас уже можно сформулировать ключевые тренды в российском университетском образовании, сложившиеся под влиянием Болонского процесса:

- растущий упор на профессиональное, прикладное образование;
- отказ от глубокой специализации в пользу набора инструментальных знаний и навыков (компетентностный подход);
- унификация образовательных программ;
- повсеместное внедрение многоуровневой англосаксонской образовательной системы;
- беспрецедентная бюрократизация образовательного процесса;
- система высшего образования становится экономическим, предпринимательски ориентированным субъектом рынка, и, как следствие, ее деятельность теперь идентифицируется в категориях образовательных услуг.

Все эти процессы способствуют радикальному уходу от традиций классического университета, а значит, и утрате «мессианства» (основанном на идее культуры), которое подменяется идеалами бюрократии, конкурентоспособности и «экономической оправданности». Безусловно, означенные тренды есть «дань нашему времени» – когда все социальные практики, все общественные факты получают сугубо экономическое измерение. По словам современного французского социального мыслителя Алена де Бенуа, «семья уже восприни-

¹ Первый среди равных (лат.)

мается как малое предприятие, ребенок как объект долгосрочного инвестирования капиталов, общественные отношения как отражение заинтересованных конкурентных стратегий и т.д. Человек воспринимается как капитал. Экономическая логика распространяется на все социальное. Зародившись в обществе, она в конце концов поглощает его целиком» [6, с.73]. В согласии с интенциями Алена де Бенуа и тезис Ж. Берту: «Общество должно рассматриваться, исходя из формальной теории заинтересованного действия. Таким образом, отношение вклад-прибыль и есть то, что движет мир» [7, с.57-58]. Все становится фактором производства и потребления, все регулируется спонтанным порядком спроса и предложения. Социальные практики отныне выверяются экономическим дискурсом, абсолютно чуждым ко всему, что не имеет рыночной ценности. Согласно Шарлю Пеги, «все унижение современного мира, все его обесценивание происходит из-за того, что современный мир признал возможным выставить на продажу те ценности, которые античный и христианский миры считали в принципе непродаемыми» [7, с. 76].

Между тем, университет по определению должен ускользать от этой утилитарной и, в сущности, *тупиковой* модели (когда рынок, экономическая конкуренция регулируют и определяют все социальные практики), он – явление несравнимо более сложное, чем обычные управленческие или экономические структуры. С одной стороны, университет формально является рациональной организацией, призванной поставить на поток процесс «производства кадров» (профессиональных компетенций), но при этом он выступает одновременно и в качестве уникального, современного механизма культурного производства (культурной репродукции знания и культурной инновации). Его принципиальное отличие от школы, профессионального училища или отраслевого вуза, прежде всего в том, что университет всегда является публичной площадкой общественно значимого интеллектуального процесса.

Университет не обучает профессии [8]. Это парадоксальное утверждение отечественного исследователя в области теории образования А. Согомонова может показаться по крайней мере странным, в том числе и с точки зрения современной государственной политики в образовательной сфере (особенно в свете сегодняшних трендов, связанных с внедрением рейтинговой «философии» и «методологии»). Университетское образование – лишь интеллектуальный старт в жизни потенциально возможного профессионала; освоение же навыков профессии, проникновение ее «духом» и корпоративной этикой происходит всегда за пределами университетских стен [8, с. 48-49]. Сегодня профессия – это уже не результат образовательных технологий, а длительный (и, может быть, бесконечный) информационно-интеллектуальный процесс. Кроме того, рыночный спрос на профессии меняется с громадным ускорением, и, естественно, ни одному университету (тем более – мегауниверситету) не угнаться за сменой этой конъюнктуры.

Следует отметить, что университет и в прошлом своем никогда не стремился к обучению профессии, достаточно вспомнить слова Дж. Г. Ньюмена: «В противовес свободному знанию, которому обучают в университете, следует выделить полезное, или утилитарное, знание. Это знание, которое преломлено в научную форму и приводит к тому или иному ремеслу либо завершается появлением механического процесса. Такое знание – прерогатива иных, нежели университет, образовательных институтов. Основной миссией университета является развитие интеллекта и духовности, рассматриваемых в качестве конечных целей университетского образования, единственно отвечающих его природе» [9, с. 136-139].

С тезисом Ньюмена перекликаются некоторые современные концепции университетского образования, согласно которым «университет обучает человека частному использованию своего автономного разума» [8, с. 48]. Он практически никогда не был ступенью обязательного образования, и поступление в него предполагало акт самостоятельности человека, желающего научиться распоряжаться своим разумом. «Резонировать», по Канту, означало «рассуждать во имя самого рассуждения». А университетская площадка предоставляла для этого наилучшие возможности и, возможно, именно поэтому могла быть только *свободной и публичной*.

Мнение университета о самом себе, понимание того, для чего существуют университеты, какое знание они *хранят*, в чем разница между университетским знанием и профанностью общего знания, каким образом и во имя чего происходит приращение нового знания и многое, многое другое нередко в социальной теории именуется университетской *доксой*. Фундаментальное знание, академические исследования, бескорыстный научный поиск – все это, в конечном счете, формирует культурную идентичность университета как общественного института, *приоритетно не ориентированного на производство пользы ни в каком ее виде* [8].

Знание, производимое и репродуцируемое современным университетом, не может стать подвластным государству, гражданскому обществу или капиталу. «Упражнения разума», практикуемые в его стенах, как справедливо утверждал Жак Деррида, не признают никакого другого авторитета, кроме принципа разумного основания [10, с. 186]. В этом смысле исконная ответственность университета – в сохранении и развитии чистого академизма.

Все остальные виды корпоративной ответственности университета – его добрая воля и желание. Университет может более или менее активно участвовать в социокультурной и социально-экономической жизни города и региона, может выполнять другие виды «общественно значимой» работы, вправе частично коммерциализироваться, но все это с точки зрения современной университетской доксы – факультативно и не может выступать критериями его общественной оценки. Университет должен противостоять экономическим и политическим вызовам выполнением своей исконной миссии – подлинным знанием и бескомпромиссностью интеллектуальной позиции.

И здесь не обнаруживается принципиальной разницы между классическим университетом Гумбольдта и университетом современности (или, говоря в категориях мейнстрима, «высокой современности», «постсовременности»), переживающим драматическое время поиска идейных оснований своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Согомонов А. Назад, в университет! // Отечественные записки № 2, 2002.
2. Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М., 2003.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
4. Барнетт Р. Осмысление университета. // Alma Mater № 6, 2008.
5. Риддингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
6. Бенуа А. Против либерализма. // Русское время № 1, 2009.
7. Vers une anthropologie generale. Modernite et alterite, Droz, Geneve, 1992.
8. Согомонов А. Корпорация «Университет». // Неприкосновенный запас № 4-5, 2006.
9. Ньюмен Дж.Г. Идея университета. Минск, 2006.
10. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки № 6, 2003.